

© Т.А. ГАЛЛЯМОВА

Тюменский государственный университет
tatosi@list.ru

УДК 821.161.1

**РУСЬ КАК «ИНТЕРТЕКСТ»
В РОМАНЕ И.А. БУНИНА «ЖИЗНЬ АРСЕНЬЕВА»**

**RUS (RUSSIA) AS “INTERTEXT”
IN THE NOVEL OF I.A. BUNIN “THE LIFE OF ARSENEV”**

В статье рассматривается роль «чужого слова» в романе Бунина «Жизнь Арсеньева», изучается природа «диалогических отношений» в структуре текста и их субъектно-объектные формы; выявляются произведения русской литературы, оказавшие влияние на творчество Бунина и на его «итоговый» роман; исследуются особенности бунинского слова. Проблема «интertextа» анализируется как одна из ключевых проблем отечественного и зарубежного буниноведения. В основе исследования — пространственный подход, который остается актуальным в современном литературоведении. В статье исследуются основные «топосы» романа «Жизнь Арсеньева» («глухая Русь», столица (Петербург, Москва) и южная Русь), играющие ключевую роль в создании «диалога» Бунина с русской классикой, что позволяет говорить о «географии места»; поднимается вопрос о доминирующем пространстве; осмысливаются языковые значения цитируемых слов и их интерпретация, наполнение пространства русской земли новыми смыслами в бунинском тексте.

In this article a role of an “alien word” in the Bunin’s novel “The life of Arseniev” is considered, character of “dialogic relations” between writers of a Russian earth that gets subject and object forms is established; works of the Russian literature that had the strongest influence on Bunin’s creativity and on his “total” novel are determined; features of Bunin’s word are investigated. The problem of “intertext” is analyzed as one of key problems of literary criticism of Bunin’s works both in Russia and abroad. In this article main “toposes” of the novel “The life of Arseniev” (“deaf Rus”, the capital cities (Petersburg, Moscow) and the southern Russia), playing a key role in creation of “dialogue” of writers that allows to speak about “geography of place” are analyzed; the question about main space is risen; language values of quoted words and their interpretation, filling by new meanings in the Bunin’s text are scrutinized.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА. «Чужое слово», «диалогические отношения», «глухая Русь», пространство русской земли, интertextуальность, геокультурный подход.

KEY WORDS. “Alien word”, “dialogic relations”, “deaf Rus”, space of Russian earth.

Актуальность темы исследования обусловлена возросшим в современной науке интересом к проблемам интертекстуальности, определяющим стратегию текстопостроения художественного произведения. Кроме того, выявление интертекстуальных ссылок и исследование интертекста несомненно позволяют осмысливать своеобразие художественного мышления писателя, функциональной природы «памяти слова» в литературном процессе.

Творчество И.А. Бунина представляет особый интерес с точки зрения изучения его произведений в аспекте интертекстуальности. В избранном в качестве основного объекта исследования романе «Жизнь Арсеньева» наиболее ярко воплощено восприятие И.А. Буниным русской классики. «Игра» с «чужим» словом и помогает воссоздать фрагмент картины мира писателя. На основе многообразия цитатного слоя в итоговом романе Бунина создается единое семантическое поле русской земли.

Произведение И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» уникально по своему содержанию: в нем отразилось понимание писателем «глухой» Руси через призму русской литературы. При этом Бунину удалось создать новое «слово» о русской земле. По Бахтину, «любой текст строится как мозаика цитаций, любой текст — это впитывание и трансформация какого-нибудь другого текста. Тем самым на место понятия *интерсубъективности* встает понятие *интертекстуальности*, и оказывается, что поэтический язык поддается как минимум *двойному прочтению*» [1; 22].

К проблеме «интертекста» в произведениях Бунина обращались О.Н. Михайлов, Т.А. Бонами, О.В. Сливицкая, М.С. Штерн, Ю.А. Мальцев, И.П. Карпов, А.А. Пронин, Е.А. Жильцова и многие другие исследователи. Тем не менее работы эти носят обобщающий характер, и проблема «чужого слова» в романе «Жизнь Арсеньева» до сих пор остается актуальной. Данная проблема рассматривается нами в аспекте пространственной интерпретации.

Пространство русской литературы в романе «Жизнь Арсеньева» представлено тремя основными топосами: «глухая Русь», столичный город (Петербург-Москва) и южная Русь, в том числе Малороссия. Именно в такой последовательности «обживает» пространство русской земли герой романа Алексей Арсеньев. Каждый топос в романе связан с именами того или иного русского писателя. Орел связан с именами Н.С. Лескова и И.С. Тургенева, Кропотовка связана с именем М.Ю. Лермонтова, Петербург — с именами А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя. Кроме того, Гоголь ассоциируется у Бунина и с пространством Малороссии.

В то же время, если задаться вопросом, почему роман «Жизнь Арсеньева» написан именно во Франции, то можно убедиться, что для Бунина крайне важна тема памяти, и необходим «чужой взгляд» на пространство русской земли, которое и является для Бунина доминирующим.

По Гуссерлю, «образ есть наполнение значения» [2; 67]. «Наполнение значения» русской земли для Бунина требует знания контекста русской литературы и привлечения творческого опыта самого писателя. В таком контексте «образ» приобретет феноменологическую природу.

В романе «Жизнь Арсеньева» Бунин прибегает к большому количеству цитат из литературных произведений русских писателей. Обращаясь к «чужому слову», писатель придает ему новую смысловую направленность. Он цитирует

только те произведения, которые способствовали формированию его мировоззрения и были созвучны его «переживанию места». Прибегая к многочисленному цитированию произведений великих русских писателей-классиков в своем «итоговом» романе, Бунин пытается осмыслить свое «слово» в контексте русской литературы.

У Бунина понимание языкового значения «чужого слова» никогда не бывает пассивным. Говоря о писателях «глухой Руси» и произведениях древнерусской литературы, Бунин выбирает такие формы «диалогических отношений», как согласие, утверждение, дополнение (активное понимание), соответственно, творчество Ф.М. Достоевского и некоторых писателей-социалистов будет воспринято в форме несогласия, полемики («говорящий строит свое высказывание на чужой территории») (терминология Бахтина) [1; 156].

Обращаясь к творчеству русских писателей, Бунин чаще всего использует прямое, полное цитирование: «*Шумит, гремит конец Киева: есаул Горобець празднует свадьбу своего сына. Наехало много людей к есаулу в гости...*» [3; 67], реже — скрытое: «*Эти «поющие двери», этот «прекрасный» летний дождь, который «роскошно» шумит по саду, эти дикие коты, обитавшие за садом в лесу*» [3; 67]. Автор предлагает читателю вспомнить гоголевские строки из «Старосветских помещиков». Он не приводит цитату полностью, а лишь акцентирует внимание на ключевых словах, передавая тем самым и свое впечатление. Г.И. Данилина и Е.Н. Эртнер и справедливо заметили, что «география места» имеет огромное значение в творчестве русских писателей: «Главная задача художника, в представлении Гоголя, — «изучать произведения земли» [4; 89].

Обращение к локальному тексту придает значимость каждому уголку «глухой Руси». Писателем создается мифологизация пространства: усадеб Каменки и Батурино, Выселок, Рождества, уездного города. Бунин продолжает традицию русских писателей и, перенимая их опыт, дополняет миф о русской земле своим опытом.

Зачастую в русской литературе человек приезжий или вернувшийся в провинцию (Райский в романе Гончарова «Обрыв», Лаврецкий в «Дворянском гнезде» Тургенева) видит в ней скуку и «вялую жизнь». Но постепенно наблюдатель становится «своим» человеком. У Бунина герой изначально «свой» человек. Возвращаясь в свой дом, он остается художником, способным даже в запустении видеть поэтическую красоту.

В романе выстраивается поэтическое многоголосье — слово Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Толстого, Фета, древнерусской литературы и самого Бунина — это и есть «голос» русской земли.

В романе приводятся следующие строки из лирики Фета: «*Шумела полночная вьюга / В лесной и глухой стороне, / Мы сели с ней друг против друга, / Валежник свистал на огне*» [3; 261-262]. В этом стихотворении появляется поэтика ощущений, звуковое восприятие: «шумела», «глухой», «свистал». Цитируя определенные строки Фета, Бунин создает образ русской земли, эпитеты «лесная» и «глухая» характеризует бунинскую Русь, данную в ощущении. В этом контексте «глухая Русь» — отдаленное, безлюдное, непроезжее и тихое место. Словом русской природы становится слово поэзии. Как утверждал М.Н. Эпштейн: «Сама поэзия — это второе «я» природы, ответ на ее потребность обрести язык» [5; 15].

В романе приводятся прямые цитаты из произведения Л.Н. Толстого «Война и мир», которые Арсеньев не просто читает, а постоянно перечитывает. Внутренне убедительное слово звучит как этическое и философское. Арсеньеву близка философия Андрея Болконского, возникающая тема жизни и смерти: «*Ничего нет в жизни, кроме ничтожества всего понятного мне и величия чего-то непонятного, но важнейшего...*» [3; 200]. Та же самая тоска по трансцендентному волнует душу Арсеньева. Затем герой вспоминает Пьера Безухова: «*Пьеру кто-то все говорил: «Жизнь есть любовь... Любить жизнь — любить Бога...» Это кто-то и мне всегда говорит, и как люблю я все, даже вот эту дикую ночь!*» [3; 200]. «**Дикая** ночь» — характеризует «глухую Русь» как вольную, просторную, открытую. Это пространство формирует «широку русской души», мечтательность и дрему.

Бунин противопоставляет петербургского художника художнику «глухой Руси». Себя он видит художником «глухой Руси». Бунин все время чувствует свою связь с русскими писателями, прежде всего — с Пушкиным. Неслучайно герой-повествователь был так очарован пушкинским прологом к «Руслану и Людмиле». Вспомним ключевые слова: «*Там русский дух, там Русью пахнет!*». Герой слышит «голоса» мест в себе и отправляется в путешествие, осваивать землю как пространство русских писателей и как национальное пространство.

Творчество Пушкина помогает Бунину объяснить тягу к путешествиям, в основе которой лежит мифотворчество, волшебство, тайна: «*...в том-то и сила, что и над самим стихотворцем колдовал кто-то неразумный, хмельной и «ученый» в хмельном деле: чего стоит одна эта ворожба кругообразных, непрестанных движений («и днем и ночью кот ученый все ходит по цепи кругом»), и эти «неведомые» дорожки, и «следы невиданных зверей», — только следы, а не сами звери!...*» [3; 66]. Душа автора устремляется в путь, чтобы разгадать загадку.

Литературовед Л.А. Смирнова отмечает, что «Бунин в большей степени, чем другие художники эпохи, тяготел к опыту Пушкина. Их сближало поэтическое выражение философско-эстетических раздумий в богатейшем реальном материале: явлений, лиц, наблюдений, переживаний. Обоим было присущее чувство истории, интерес к прошлому славянских народов. Оба тяготели к древним восточным учениям» [6; 60-62].

В романе герой-повествователь сам неоднократно подчеркивает, что самое большое влияние оказал на него Пушкин: «*И все-таки больше всего был я с Пушкиным. Сколько чувств рождал он во мне! И как часто сопровождал я им свои собственные чувства*» [3; 164]. Позиция героя в данном случае сближается с авторской. Все пушкинские строки звучат для Бунина «попрощественному». Именно в применении к Пушкину герой употребляет неоднократно местоимение «наш»: «*Я слышал о нем с младенчества, и имя его всегда упоминалось у нас с какой-то почти родственной фамильярностью, как имя человека вполне «нашего» по тому общему, особому кругу, к которому мы принадлежали вместе с ним. Да он и писал все только «наше», для нас и с нашими чувствами*» [3; 164]. Арсеньев позволяет себе вольно пересказывать стихотворения великого поэта, лишь местами цитируя их словно: «*Буря, что в его стихах мглой крыла небо, «вихри снежные крутя», была та самая, что бушевала в зимние вечера вокруг Каменского хутора*» [3; 164].

Вспоминая зимнюю поездку в Батурино, автор цитирует строки поэмы Жуковского «Светлана», которые отсылают нас к русскому фольклору «*Скачут. Пусто все вокруг. // Степь в очах Светланы...*» [3; 256-257]. Мотив «глухой Руси» появляется в словах «пусто все вокруг» — это Русь пустынная и заброшенная, дикая. Бунин улавливает миг стремительного движения, суеты и статичного созерцания: «*Все летит, спешит — и вместе с тем точно стоит и ждет: неподвижно серебрится вдали, под луной, чешуйчатый наст снегов...*» [3; 256-257]; и далее: «*Скачут, пусто все вокруг*», — говорю я себе в лад этой скачке (ритм движения, всегда имевшего такую ворожающую силу надо мной) и чувствую в себе кого-то лихого...» [3; 256-257]. Поэтические строки определяют состояние героя, их содержательные смыслы переживаются им здесь и сейчас. «Лихим» может себя почувствовать человек, попавший во власть стихии «глухой Руси».

Душу Арсеньева мечтами о путешествиях побуждают строки Лермонтова, именно они вызывают юношескую тоску о дальних странствиях, «о далеком и прекрасном»: «*Немая степь синеет, и кольцом / Серебряным Кавказ ее объемлет, / Над морем он, нахмурясь, тихо дремлет, / Как великан, склонившись над щитом, / Рассказам волн кочующих внимая, / А море Черное шумит, не умолкая...*» [3; 135-136]. В данном контексте «немая степь» — лишенная голоса, тихая, загадочная является характеристикой русской земли.

Большое влияние оказывают на героя места, где жили известные русские писатели. Но эти места предстают перед читателем не сразу во всем своем многообразии. Арсеньев постепенно приобретает опыт «обживания» земли, путешествуя из одного места в другое. Так, проезжая около дома Лермонтова, он испытывает тоску: «...едучи, я как-то особенно крепко задумался вообще о великой бедности наших мест. Все было **бедно, убого и глухо** кругом. Я ехал большой дорогой — и дивился ее **заброшенности, пустынности**. Ехал проселками, проезжал деревушки, усадьбы: хоть шаром покати не только в полях, на грязных дорогах, но и на таких же грязных деревенских улицах и на пустых усадебных дворах. Даже непонятно: да где же люди и чем убивают они свою осеннюю скуку, безделье, сидя по этим избам и усадьbam?» [3; 197-198].

В данной ипостаси «глухая Русь» — место захолустное, заброшенное, забытое. Если герой покидает место, то и оно, возможно, без него не существует. Этим объясняется заброшенность и пустынность некоторых известных топосов. Бунина волнует вопрос о судьбе русского художника. Его герой пытается осмыслить свою судьбу, понять, что для него есть «глухая» и «забытая» Русь. Пространство «глухой Руси» в опыте понимания художника становится носителем национального самосознания. Как правило, русской равнине судьбой предопределено окончательное запустение, но благодаря русскому писателю она обретает настоящую жизнь в слове.

Пребывание в привычном, «своем», освоенном месте, провоцирует стремление героя к новому пространству. Арсеньев отправляется в путешествие на юг. На юге России Алексей особо остро ощущает свою связь с русской землей, с историей Древней Руси, с древнерусской литературой: «*Кони ржутъ за Сулю; звенитъ слава въ Киевѣ; трубы трубятъ въ Новоградѣ; стоять стязи въ Путивле. <...> Тогда вступи Игорь князь въ злат стремень и поеха по*

чистому полю. Солнце ему тьмою путь заступаше; нощь стонущи ему грозою птичь убуди. <...> Див кличетъ врху древа, велить послушати земли незнаеме, Влъзе и Поморию, и Посулию, и Сурожу...» [3; 224].

«Своя» земля противопоставлена «чужой» земле. «Чужая», незнакомая земля является субъектом, враждебным герою: «Солнце тьмою путь заступаше». Обильные цитаты помогают уловить особенности древнерусской речи. В цитатах из «Слова» прослеживаются характерные фольклорные образы — чистого поля, коней, дерева. Образ поля остается «приоритетным пространственным образом, воплощающим русскую землю» [7; 120] даже в иллюзорном пространстве сна: «Игорь спить, Игорь бдить, Игорь мыслию поля мерить от Великого Дона до Малого Донца...» [3; 224]. При этом, по Бунину, русич должен слышать: «Послушати земли». «Своя» земля — живой образ, к которому обращаются, ее слышат и ощущают в себе. Как и в «Слове о полку Игореве», в романе Бунина герой осознает свою кровную связь с русской землей и ее верховную власть.

Важнейшими способами воплощения русской земле в романе «Жизнь Арсеньева» становится поэтика света (*«Солнце ему путь тьмою заступаше»*), особая ритмика организации пространства, звукопись (*«ржуть», «звенить», «трубы трубять», «стонущи», «кличетъ»*) и дальше: *«Кричатъ телегы полуночи, рцы лебеди распущени, Игорь вои к Дону ведеть... Орли клектом на кости зовутъ, лисицы брешутъ на чърленые щиты. <...> О Русьская земле! Уже за шеломянем еси...»* [3; 224]. Звуковое воплощение образа Руси — одно из ключевых открытий древнерусской литературы, и эту традицию развивает И.А. Бунин в своем творчестве, в том числе, и на уровне цитации слова Древней Руси.

Таким образом, можно прийти к выводу, что связь русских писателей и русской земли глубоко диалогическая. Диалогичность И.А. Бунина представлена в итоговом романе «Жизнь Арсеньева» важнейшими субъектно-объектными формами: авторским сознанием, «словом героя» и «голосами» русских классиков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М.: Художественная литература, 1975. С. 22-156.
- Гуссерль Э. Феноменология внутреннего сознания времени. М.: Гнозис, 1994. С. 67.
- Бунин И.А. Жизнь Арсеньева. Юность: собр. соч. в 6 тт. Т. 5. М.: Художественная литература, 1988. С. 66-262.
- Эртнер Е.Н., Данилина Г.И. Необъятная гоголевская Россия // Русская и зарубежная литература: учебное пособие. 2-е изд. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2012. С. 89.
- Эпштейн М.Н. Природа, мир, тайник вселенной... М.: Высшая школа, 1990. С. 15.
- Смирнова Л.А. Бунин И.А. Жизнь и творчество. М.: Просвещение, 1991. С. 60-62.
- Галлямова Т.А., Эртнер Е.Н. Образ русского поля в романе И.А. Бунина «Жизнь Арсеньева» // Вестник Тюменского государственного университета. 2012. № 1. С. 120-125.

REFERENCES

- Bakhtin, M.M. *Voprosy literatury i estetiki* [Problems of literature and aesthetics]. Moscow, 1975. Pp. 22-156. (in Russian).
- Gusserl, E. *Fenomenologija vnutrennego soznanija vremeni* [The phenomenology of the inner consciousness of time]. Moscow, 1994. P. 67. (in Russian).

3. Bunin, I.A. *Zhizn' Arsen'eva. Iunost': sobr. soch. v 6 tt. T. 5* [Life of Arseniev. Youth: collected works in 6 vol. Vol. 5]. Moscow, 1988. Pp. 66-262. (in Russian).
4. Ertner, E.N., Danilina, G.I. Immense Russia of Gogol / In: *Russkaia i zarubezhnaia literatura: uchebnoe posobie. 2-e izd.* [The Russian and foreign literature: a manual. 2nd ed.]. Tyumen, 2012. P. 89. (in Russian).
5. Epstein, M.N. *Priroda, mir, tainik vselennoi...* [Nature, the world, the hiding of the universe...]. Moscow, 1990. P. 15. (in Russian).
6. Smirnova, L.A. *Bunin I.A. Zhizn' i tvorchestvo* [Bunin I.A. Life and work]. Moscow, 1991. Pp. 60-62. (in Russian).
7. Gallyamova, T.A., Ertner, E.N. The Image of a Russian field in the novel I.A. Bunin "the Life of Arseniev". *Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta — Tyumen State University Herald.* 2012. № 1. Series «Philology». Pp. 120-125. (in Russian).

Автор публикации

Галлямова Татьяна Александровна — аспирант кафедры русской литературы Института филологии и журналистики Тюменского государственного университета

Author of the publication

Tatyana A. Gallyamova — Post-graduate Student, Russian Literature Department, Institute for Philology and Journalism, Tyumen State University